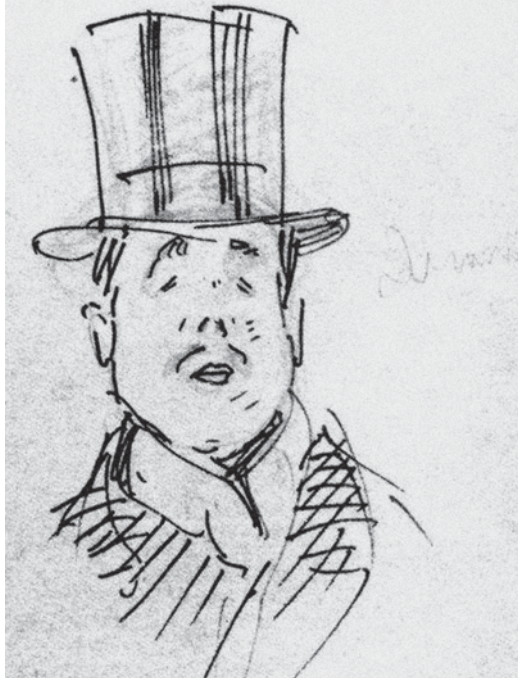

К 140-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
С.П. ДЯГИЛЕВА
(1872–1929)

А.Н. Бенуа. С.П. Дягилев. Париж. Набросок. 1907 г.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ БИБЛИОФИЛОВ

К 140-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
С.П. ДЯГИЛЕВА
(1872–1929)

ЗАСЕДАНИЕ КЛУБА
«БИБЛИОФИЛЬСКИЙ УЛЕЙ»
17 МАРТА 2012 ГОДА

МОСКВА
2012

ЭКЗЕМПЛЯР

17 марта 2012 года в уютной штаб-квартире НСБ состоялось очередное заседание клуба «Библиофильский улей», посвящённое 140-летию Сергея Павловича Дягилева (31.03.1872 — 19.08.1929).

Многие собравшиеся заметили отсутствие постоянных участников книжных посиделок на Тишинке: председателя НСБ М.В. Сеславинского, верного миниатюрной книге Я.Н. Костюка (обоих ждали неотложные дела), деятельнейшего члена Совета Б.А. Хайкина

и др. Несостоявшаяся встреча с «братьями по разуму», конечно, расстроила библиофилов, но делать было нечего, предстояло интересное обсуждение, к которому заранее подготовились прекрасные дамы — О.Л. Тараканова, Е.В. Виноградова, А.Ю. Лавренова.

Заседание открыла профессор Московского государственного университета печати имени Ивана Фёдорова (МГУП), член НСБ и просто обаятельнейшая женщина **Ольга Леонидовна Тараканова**, которая напомнила собравшимся основные вехи биографии Сергея Павловича Дягилева.

С.П. Дягилев

О «меценате европейского толка»¹ написано и опубликовано много работ², однако масштаб его общественного и художественного подвига ещё не до конца осмыслен и осознан в мире и ещё меньше в России, куда имя Дягилева по-настоящему начало возвращаться лишь с 1980-х годов.

Хорошо известны его неуёмная энергия и многочисленные таланты: писал оригинальные искусствоведческие статьи-исследования, на протяжении шести лет выпускал иллюстрированный художественный журнал «Мир искусства» (один из лучших в России!), прекрасно знал живопись и отбирал картины для выставок, наконец, стал первым русским импресарио мирового уровня.

Однако не все направления деятельности С.П. Дягилева получили должное внимание исследователей. Среди них — его увлечение коллекционированием: сначала музыкальных записей, партитур, картин, а затем и книг. Ольга Леонидовна обратила внимание членов клуба на интересную деталь. Книгособирательством Дягилев «заболел» незадолго до внезапной кончины, причиной тому послужили ностальгические настроения, связанные с тоской по Родине.

— Ближайший друг и сподвижник Александр Бенуа вспоминал: «он <...> всё русское любил до какого-то фанатизма», — процитировала художника О.Л. Тараканова. Как отмечали современники, ему стало скучно, этой широкой натуре нужен был размах нового дела, увлечения, которое смогло бы заполнить образовавшуюся пус-

¹ Меткое определение самого С.П. Дягилева.

² См.: Сергей Павлович Дягилев. 1872–1929: материалы к библиографии / сост. И. Кузнецова, А. Лапидус. СПб.: Государственный университет культуры, 2007; Брезгин О.П. Персона Дягилева в художественной культуре России, Западной Европе и Америки. Пермь: Максарова И.Н., 2007 и др.

тоту... Таким новым делом стало коллекционирование книг, рукописей и автографов — последняя дягилевская страсть.

К слову сказать, по ходу заседания некоторые участники встречи обратили внимание собравшихся на болезненный характер этого увлечения, о чём писали его современники, в том числе верный друг и ученик Серж Лифарь (1905–1986)³.

Закончила своё выступление О.Л. Тараканова перечислением жемчужин коллекции С.П. Дягилева. В его собрании

находились прижизненные издания А.С. Пушкина, литературные альманахи XIX в., автографы Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, М.Ю. Лермонтова, И.А. Крылова, И.А. Гончарова, первопечатные русские книги, в том числе такие раритеты, как Часослов и Апостол русского первопечатника Ивана Фёдорова; «Азбука, напечатанная Василием Федоровым Бурцовым по повелению великого князя Михаила Федоровича в 1637 г.», и многое другое. Поистине украшением коллекции были два экземпляра «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева (1790), первого запрещённого цензурой издания, и оригиналы одиннадцати писем А.С. Пушкина к невесте, некогда принадлежавшие проживавшей в Лондоне внучке поэта — морганатической супруге великого князя Ми-

С.М. Лифарь и С.П. Дягилев в Венеции

³ См.: Лифарь С. Странные годы с Дягилевым / сост. С.П. Снежко, В.В. Шлеев. Киев: Муза ЛТД, 1994. С. 248.

хаила Михайловича графине Торби (1868–1927)⁴. На основе своей коллекции Дягилев хотел создать за рубежом музей русской книги, подобный Пушкинскому Дому РАН в Санкт-Петербурге.

Е.В. Виногорова

Затем слово взяла научный сотрудник Государственного литературного музея (ГЛМ) **Екатерина Валерьевна Виногорова**, которая познакомила собравшихся с воспоминаниями верного помощника С.П. Дягилева и администратора его «Русского балета» Вальтера Фёдоровича Нувеля (1871–1949). Ксерокопированная копия рукописи на французском языке, озаглавленная «Записки Вальтера Нувеля. Дягилев», была передана в Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)

в начале 1980-х гг. Н.Д. Лобановым-Ростовским, известным представителем Русского зарубежья, коллекционером и меценатом. Рукопись доступна для исследователей (РГАЛИ. Ф. 2712. Оп.1. Ед. хр. 104), но на русском языке целиком не публиковалась, хотя фрагменты её не раз появлялись на страницах работ о Дягилеве.

Записки представляют собой 300 страниц текста на французском языке. Язык воспоминаний, за исключением нескольких фрагментов, достаточно сух и однообразен.

⁴ Подробнее об этом см.: Касинец Э. «...Принеси-ка дедушку Сопикова!», или последняя страсть Дягилева / Э. Касинец, Е. Коган // Библиофилы России: альманах. М.: Любимая Россия, 2009. Т. VI. С. 81–82.

Воспоминания разделены самим автором на две части. Первая часть — С. 1–171 — повествует о жизни и деятельности С.П. Дягилева в Санкт-Петербурге, охватывая годы с 1891 по 1905, т.е. с приезда в Петербург и до организации Выставки исторических портретов в Таврическом дворце, вторая рассказывает о деятельности импресарио, проходившей за границей, начиная с 1906 г., когда Дягилевым была организована первая за пределами России выставка, и заканчивая его кончиной в 1929 г.

«Записки», хранящиеся в РГАЛИ, воспроизводят живой, эмоциональный, субъективный взгляд В.Ф. Нувеля на личность его известного друга. В конце своего выступления Е.В. Виноградова зачитала два небольших фрагмента из этой рукописи, с которой ей как исследователю посчастливилось работать (перевод — Е.В.).

«...Он казался мне высоким и красивым юношей, который дышал здоровьем и молодостью. Немного полный, широкий в плечах, на которых солидно помещалась

С.М. Лифарь, Э. Чекетти, С.П. Дягилев, Д. Чекетти, В.Ф. Нувель и Б. Кохно в Монте-Карло

непомерно большая голова (для нее ни один шляпник не мог сразу подыскать шляпы по размеру — их надо было заказывать специально), с густой и спутанной шевелюрой. У него были большие и красивые глаза необычайной живости и блеска; нос короткий и немного вздернутый, формы довольно вульгарной; большой рот с мясистыми губами, который казался огромным, когда смеялся, обнажая великолепные зубы; лоб низковатый, выдающаяся нижняя челюсть, большой и мощный подбородок, свидетельствующий о натуре страстной и волевой, и замечательно свежий цвет лица. Его живость, легкость его речи, звучный голос — все изобличало в нем чудесную силу жизни. И в то же время в нем было нечто от провинциала, некая неуклюжесть, отпечаток провинциальных нравов и недостаток лоска и той непринужденности в поведении, что выдавали в нас молодых людей, выросших в столице».

«... Дягилев... был прежде всего человеком чувства. Тем, что вызывало у него дрожь, доставляло наслаждение, заставляло действовать, были впечатления — зрительные, слуховые, осязаемые чувствами. Он не терпел никакой идеологии. Это не значит, что его дух был закрыт для идей. Напротив, он постигал их, и во всей полноте, и с легкостью играл ими, если это было нужно для достижения избранной цели. Но в его душе идеи никогда не имели прочного фундамента. И поэтому он менял их, как перчатки. Такая игра была для него наслаждением. Когда некая идея казалась ему подходящей, он провозглашал эту идею со всей настойчивостью и покоряющей силой убеждения, хотя потом, когда она переставала ему служить, вполне мог отказаться от нее, и даже выдвинуть диаметрально противоположную, подкрепляя ее столь же убедительными доводами. Ибо он умел быть убедителен, как никто. Его мозг функционировал с необыкновенной легкостью. Спорить с ним было невозможно. Он всегда бывал прав, и доказывал это

с такой всепобеждающей силой, что, несмотря на вашу уверенность в собственной правоте, вы начинали в себе сомневаться. Спорить с ним было ужасно, это доводило до изнеможения, поскольку со своей удивительной силой сопротивления он никогда не отступал, и вы, даже не убежденные его аргументами, сдавались, обессилев.

Ему было необходимо постоянное движение, деятельность, динамизм. Отдых его утомлял. Он чувствовал потребность бороться, чтобы жить и наслаждаться своей силой. Он был настоящим спортсменом. Он искал препятствия, чтобы их преодолевать. Самое главное для него было достичь цели, причем цели труднодостижимой. Легкий успех его раздражал, и если на пути не возникало препятствий, он создавал их сам, усложняя дела без всякой необходимости, просто для удовольствия преодолеть эти сложности. Его жизнь — это была борьба, борьба и реализация замыслов. <...> Но стоило ему достичь одной цели, как он тут же находил другую, порой прямо противоположную, чтобы, не останавливаясь, продолжать и продолжать свое движение. Все время он стремился вперед, все время старался обогнать других, прийти [первым].

Библиофилы с большим воодушевлением встретили выступление Е.В. Виноградовой, по окончании которого поблагодарили исследователя за прекрасный рассказ и знакомство с архивными материалами.

С небольшими дополнениями относительно судьбы дягилевского собрания выступил знаток литературы по библиографии и каталогов частных библиотек **Игорь Валентинович Быков**. После внезапной смерти Сергея Павловича (19 августа 1929 г. в Венеции) письма и книги из его коллекции стали собственностью французского государства. Порядка 20 книг вывез из ещё не опечатанной квартиры секретарь Дягилева Борис Кухно. Некоторые раритеты, цена которых равнялась его годовому

Экслибрис библиотеки С.М. Лифаря

гонорару за участие в балетных спектаклях, выкупил Серж Лифарь. Для того чтобы раздобыть деньги, он обратился к министру изящных искусств Франции с просьбой дать ему время. Талантливому танцовщику пошли навстречу. Позднее Лифарь с горечью замечал, что средства на выкуп архива и библиотеки он заработал «своими ногами».

Сергей Михайлович тоже мечтал о музее, но уже на Родине, и часть своей коллекции

передал в пушкинские собрания Москвы и Санкт-Петербурга. Лишь самые ценные раритеты — письма Пушкина — пришлось выкупать представителям СССР уже после смерти Лифаря у его вдовы Лилан Аллифельд.

Как святыню, хранил прославленный танцовщик приобретённые книги, изредка пополняя собрание учителя. Но, как говорится в Экклезиасте, всему своё время. Время собирать автографы, и время их продавать. Не имея возможности создать за рубежом Дом русской культуры, Лифарь с болью в сердце вынужден был расстаться со своим собранием посредством аукционов в Монако, Париже и Лондоне.

— К сожалению, о Дягилеве как о библиофиле практически ничего не написано, — с грустью подытожил сказанное Игорь Валентинович.

— Самое же интересное, что некоторые вещи из библиотеки Сергея Павловича до сих пор появляются на аукционах, — обратилась к собравшимся эксперт по библиографии русской книги при Международной федерации антикваров и арт-дилеров **Елена Валерьевна**

Т.В. Сталева и Е.Ю. Кораблёва

Горская, — поэтому вполне возможно, что часть коллекции может попасть и на отечественный антикварный книжный рынок.

После этого «дягилевскую эстафету» подхватила член Союза писателей России **Тамара Владимировна Сталева**, продемонстрировавшая библиофилам две книги о С.П. Дягилеве из своего собрания: «Неизвестные Дягилевы, или Конец цитаты» А.С. Ласкина (СПб., 1994) и «Страдные годы с Дягилевым» С. Лифаря (Киев, 1994).

— Я хотел бы продолжить тему биографов выдающегося русского импресарио, — сказал **Юрий Алексеевич Ростовцев**, — и прежде всего назову, наверное, самую последнюю по времени выхода работу Александра Ласкина «Долгое путешествие с Дягилевыми» (Екатеринбург, 2003). К сожалению, она не показалась мне удачной. Автор погрузился в судьбы всего семейства. За трагическими обстоятельствами жизни родственников Сергея

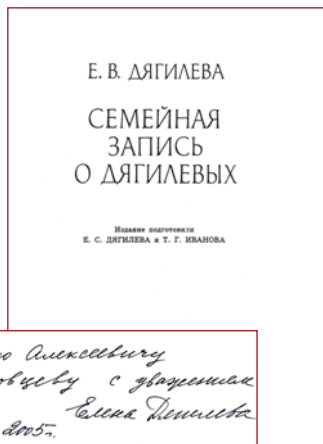

Передняя крышка переплёта и титульный лист книги А. Ласкина «Долгое путешествие с Дягилевыми» (Екатеринбург, 2003)

Материалы из архива С.П. Дягилева.
Из фондов Государственного архива Пермского края

Суперобложка, титульный лист и авантитул с дарственной надписью племянниц С.П. Дягилева Ю.А. Ростовцеву на книгу Е.В. Дягилевой «Семейная запись о Дягилевых» (СПб.; Пермь, 1998)

*Юрию Алексеевичу
Ростовцеву с благодарностью
Елена Ласкина
19 мая 2005г.*

*Незабываемое посещение
родного места в Бихварде!*

*Счастлива была увидеть
родные места и благодарна
вам письмам за их любовь
к роду Дягилевых.*

*19 мая 2005г.
Мария Дягилева
(Варшавская)*

Павловича, оставшихся в России и подвергавшихся репрессиям, потерялась личность самого маэстро.

Ю.А. Ростовцев обратил внимание собравшихся на то, что у книги Ласкина есть первоисточник — «Семейная запись о Дягилевых» (СПб.; Пермь, 1998), в котором опубликованы воспоминания Е.В. Дягилевой, маэчи С.П. Дягилева.

Так случилось, что это издание Юрий Алексеевич получил из рук племянниц Сергея Павловича. В мае

Внучатые племянницы С. П. Дягилева
Елена Сергеевна и Мария Сергеевна Дягилевы

2005 года ему довелось работать в хранилище пермского архива, где получил приглашение на презентацию только что созданного Дягилевского фонда в Государственном архиве Пермского края⁵.

— Примечательно, это один из немногих отечественных архивов, где сотрудники не затрудняют работу исследователя, а наоборот, — помогают, — отметил Ростовцев.

Также Юрий Алексеевич рассказал о книгах «Дягилев. опередивший время». (М., 2011) Н. Чернышовой-Мельник, вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей», и «Сергей Дягилев, или Закулисная история русского балета» В. Федоровского (М., 2003).

В завершение своего выступления Ю.А. Ростовцев обратил внимание собравшихся на то, что во всех назван-

⁵ ГАПК. Ф. 1801 Р. «Архивная коллекция документов по истории рода Дягилевых».

М.Ф. Ларионов. Портрет С.П. Дягилева. 1910-е гг.
Карандаш, перо

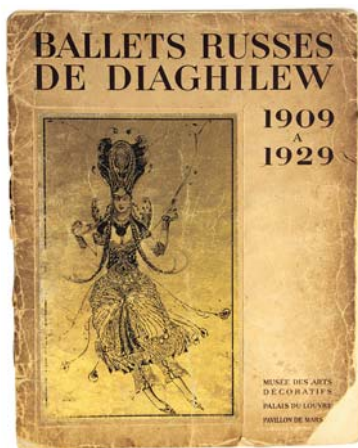
ных книгах лишь эпизодически, пунктирно обозначено влечение Дягилева к книге. Известно, рождение библиофильской страсти связано с последними годами жизни маэстро. Между тем, неслучайно, художник Михаил Ларионов запечатлел молодого Сергея Дягилева с книжкой партитуры в руках.

Докладчик отметил, что у любого из присутствующих прекрасная возможность исследовать книжные пристрастия Сергея Павловича Дягилева. И, конечно, было бы весьма любопытно разобраться в его собирательских предпочтениях.

— Я смотрю на недавно обретенные три фотографии Анны Павловой — всего лишь отблеск огромного наследия (1910–1920-е гг.) русской культуры, которое связано с именем Сергея Павловича Дягилева, — и мне непонятно, меня ошеломляет сделанный им выбор —

от бесподобных реальных творческих фигур к стопкам старых и большинству ненужных русских книжек. Какая же бездна, какая тайна ему открылась? Великая загадка! И её, — ей Богу! — стоило бы попытаться разгадать. Но не сумасшествие ведь это... Не только сумасшествие, — задумчиво заключил Ю.А. Ростовцев.

После этого увлекательнейшего сообщения выступил **Лев Абрамович Мнухин**, рассказавший о выставках, посвящённых деятельности С.П. Дягилева. Своё

Обложка каталога «Русские балеты Дягилева, 1909–1929: экспозиция Сержа Лифаря, Апрель-май 1939 года, Музей декоративного искусства, Павильон де-Марсан. Дворец Лувр» (Париж, 1939)

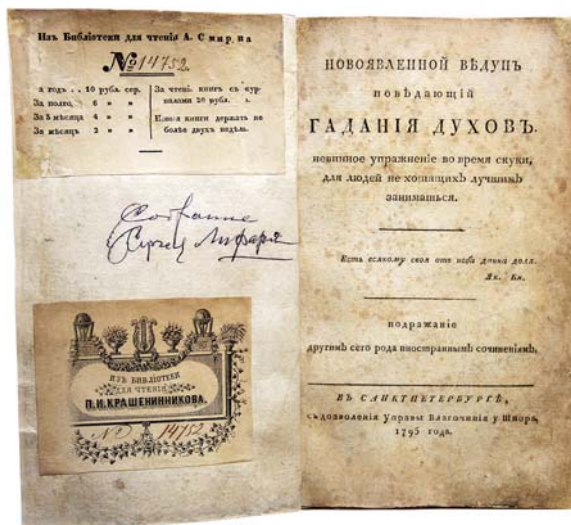
выступление один из крупнейших исследователей жизни и творчества М.И. Цветаевой закончил показом каталога выставки «Русские балеты Дягилева, 1909–1929: экспозиция Сержа Лифаря, Апрель-май 1939 года, Музей декоративного искусства, Павильон де-Марсан. Дворец Лувр» («Ballets russes de Diaghilew, 1909 à 1929: exposition organisée par Serge Lifar, avril-mai 1939, Musée des arts décoratifs, Pavillon de Marsan. Palais du Louvre...», Paris, 1939).

Затем состоялось дебютное выступление на заседании клуба «Библиофильский улей» ответственного редактора журнала «Про книги», аспирантки Московского государственного университета печати имени Ивана Фёдорова (МГУП) **Алёны Лавреновой**. Она продемонстрировала две книги из собрания М.В. Сеславинского.

Безусловный интерес собравшихся вызвала первая книга — «Новоявленной ведун поведающий гадания духов.: Невинное упражнение во время скуки, для людей не желающих лучшим заниматься.: Подражание другим сего рода иностранным сочинениям» Ф.В. Каржавина (СПб., 1795) с собственноручной подписью владельца: «Собрание Сергея Лифаря» и с двумя экслибрисами на второй стороне

А.Ю. Лавренова

Титульный разворот книги Ф.В. Каржавина «Новоявленной ведун поведающий гадания духов.: Невинное упражнение во время скуки, для людей не желающих лучшим заниматься.: Подражание другим сего рода иностранным сочинениям» (СПб., 1795)

обложки: «Из библиотеки для чтения Смирдина» и «Из библиотеки для чтения П.И. Крашенинникова». Книга продавалась на аукционе Sotheby's в Монако в 1975 году в составе лота № 209, состоявшего из пяти книг по гаданию. Он был продан за 120 франков таинственному господину Сигалу. Сама по себе книга является большой редкостью, а с таким провенансом — просто бесценным сокровищем.

Вторая книга — монография и воспоминания С. Лифаря о жизни и творческой деятельности его друга и наставника «Дягилев и с Дягилевым» (Париж, 1939). Впрочем, эта книга хорошо известна каждому библиофилу. В издании две части. «Книга первая. Дягилев» включает в себя рассказ об истории жизни импресарио, становлении его эстетических взглядов, творческих принципов и роли в мировой культуре начала XX века. «Книга вторая. С Дягилевым» — собственно мемуары С. Лифаря о наставнике, друге, близком человеке. Примечательно, что обе части носят исследовательский

Внешний вид и издательская обложка книги С. Лифаря «Дягилев и с Дягилевым» (Париж, 1939)

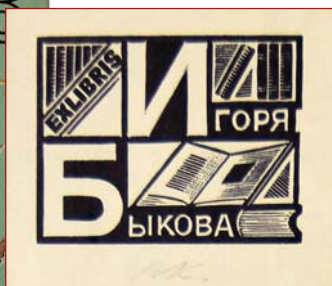
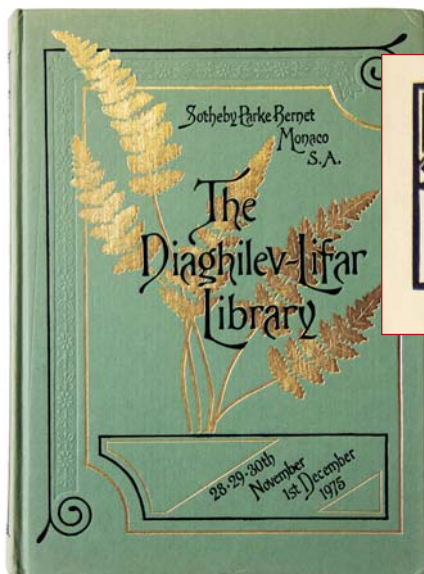
Кoffer Сергея Лифаря

характер. Также в книге Лифарь приводит перечень раритетов коллекции Дягилева. Особое же очарование данному экземпляру придавал зелёный цельнотканевый индивидуальный переплёт, выполненный во второй половине XX века.

Также А. Лавренова рассказала о недавно прошедшем аукционе в Женеве, который стал своеобразным продолжением торгов 1975 г.: на нём была распродана оставшаяся часть коллекции Сергея Лифаря. Она состояла в основном из сценических и бытовых фотографий, личных вещей С. Лифаря (вспоминая тему предыдущего заседания — «Библиофильские финтифлюшки в моём собрании»). По её словам, ряд предметов приобрёл председатель Национального союза библиофилов,

в том числе огромный сорокакилограммовый кофр, с которым танцовщик ездил на гастроли, редкую книгу «Разсуждение о искусстве владеть шпагою» А.В. Вальвиля (СПб., 1817) с экслибрисом библиотеки Лифаря и рукописный альбом «Заря» с рисунками и стихами, созданный в 1917 году, когда он учился в 4 классе. Особый интерес вызвали воспроизведенные в продемонстрированном каталоге аукциона автографы и рисунки художников А. Ремизова, М. Ларионова, Л. Бакста, М. Шагала, А. Бенуа, М. Добужинского и др., а также рисунки самого С. Лифаря.

В конце заседания И.В. Быков не преминул похвастаться перед собравшимися своим экземпляром каталога уже упоминавшегося аукциона Sotheby's «Библиотека Дягилева-Лифаря. Каталог аукциона «Сотби» 28–30 ноября 1 декабря 1975 г.» («The Diaghilev-Lifar

Передняя крышка переплёта каталога «Библиотека Дягилева-Лифаря. Каталог аукциона «Сотби» 28–30 ноября 1 декабря 1975 г.» (Лондон, 1975) и экслибрис библиотеки И.В. Быкова

Library. Sotheby Parke Bernet Monaco S.A.», London, 1975). Роскошно изданная книга, одетая в картонный переплёт зелёного цвета с золотым тиснением, отпечатанная на плотной бумаге и украшенная фронтисписом из неизвестного издания П.С. Палласа «Флора России» (1784–1788), не могла оставить равнодушными многих членов и гостей клуба. Барон Фальц-Фейн в каталоге «Парижские находки» так описывает его: «Для такого исторического библиофильского аукциона был сделан очень дорогой каталог — в твёрдой обложке с тиснением золотом — сам по себе большая редкость и ценность. Это была самая крупная частная коллекция русских книг и рукописей за границей...»⁶.

— Красиво! Одно удовольствие держать в руках такой каталог, — поделилась своим восхищением от увиденного О.А. Тараканова.

К экземпляру приложены результаты аукциона (лот, фамилия покупателя, цена ухода) и ксерокопия листа корректуры⁷.

Под конец встречи библиофилы пришли к следующему выводу: хотя большим планам Дягилева, связанным с коллекционированием книг, не удалось осуществиться, но всё-таки, найдя себя в новом увлекательном деле, вероятно, он обрёл то счастье, которое смогло на время заглушить его боль о покинутой навсегда Родине. В этой последней, красивой и пленительно безумной страсти он нашёл то, о чём долго мечтал...

⁶ Барон Фальц-Фейн. Парижские находки. М., 2005. С. 322.

⁷ Корректура (список опечаток) — перечень ошибок, замеченных в сигнальном экземпляре издания, с указанием страницы и строки, где ошибка найдена, а также верного написания. Обычно список опечаток оформляется на отдельной вклеенной или вложенной в издание страничке.

На этом библиофилы решили остановиться и перейти к менее волнующему действию, а именно, к традиционному чаепитию.

На заседании клуба присутствовало 18 человек: О.Л. Тараканова, Г.Д. Злочевский, Л.И. Фурсенко, Е.В. Виноградова, Л.А. Мнухин, Т.В. Сталева, Ю.А. Ростовцев, В.Н. Чулихин, Е.В. Горская, И.В. Быков, А.Ю. Лавренова, А.Н. Громов, В.В. Ильин, Е.Ю. Кораблёва, Т.В. Панарина, А.В. Николенко, Л.Г. Якунина, Е.А. Петухова.